

Научная статья
УДК 811.133.1
doi: 10.17223/19986645/78/7

Первые опыты французской рецепции русской литературы: творчество А. Кантемира

Алексей Михайлович Завгородний

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
almzav@yandex.ru*

Аннотация. Восприятие художественных произведений представителями разных культур является неотъемлемой частью межкультурной коммуникации. Цель данной работы – выявить особенности французской рецепции первых художественных текстов русской литературы, оказавшихся доступными французскому читателю XVIII в., а именно произведений Антиоха Кантемира. Материалом для исследования послужили франкоязычные и русскоязычные источники. Некоторые из них впервые вводятся в научный оборот отечественного литературоведения.

Ключевые слова: Кантемир, русская литература, рецепция, межкультурная коммуникация, французские переводы

Для цитирования: Завгородний А.М. Первые опыты французской рецепции русской литературы: творчество А. Кантемира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 126–136. doi: 10.17223/19986645/78/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/7

First experiences of the French reception of Russian literature: Works of Antiochus Cantemir

Aleksei M. Zavgorodnii

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, almzav@yandex.ru

Abstract. The perception of literary works by representatives of different cultures is an integral part of intercultural communication. This article is aimed at revealing the particularities of the French reception of the first literary texts of Russian literature which became available to the French reader of the 18th century, namely of the works of Antiochus Cantemir. The materials for the research were the French- and Russian-language sources, some of which are for the first time introduced into the scholarly discourse of Russian literary criticism. The article starts with an examination of Cantemir's personality – a diplomat, poet-satirist, translator, and simply a very educated person – and its possible influence on the perception of his works by French

recipients. Further, in chronological order, the reaction of the French public to the publication of Cantemir's works is examined. The period under study is limited to the 18th century. The most significant reaction from the French public was awarded to the Cantemir's eight satires – the first works of fiction translated into French and published in 1749, thirteen years before the first publication of the satires in Russia. Of particular value, both for the French reader and for understanding the specifics of the reception, is the translator's 150-page introduction to the edition of the satires. This introduction emphasizes among other things the importance of the personal factor in the fate of the writer's creations. It also introduces the statement which later becomes widespread: "Cantemir is the founder of the Parnassus of Russia". In the mid-1750s, France begins to get acquainted with other Russian authors. It is noteworthy to mention here the first perception of Sumarokov by French criticism (in 1755 a French translation of the tragedy *Sinave and Truvor* was published), which is different in tone from the perception of Cantemir. Accusations of Russian authors of imitations, widespread in the 19th century, trace their history precisely from Sumarokov. Despite the small number of the first facts and little evidence of the perception of Cantemir's works in France, which have come down to us, one can nevertheless note some favor of the French public for his works, in comparison, for example, with the first reaction of the French to *Sinave and Truvor* by Sumarokov or, a century later, to *Dead Souls* by Gogol. The favor is explained, in my opinion, on the one hand, by a certain circumspection that often appears when meeting something for the first time (more precisely, by the fear of not evaluating something really outstanding), the first acquaintance with secular literature unknown to them in this case, and, on the other hand, by the personality of Cantemir himself. The time for literary analyses had not yet come, the assessments were of a general nature, Cantemir was being established in France as the "Founder of the Parnassus of Russia".

Keywords: Cantemir, Russian literature, reception, intercultural communication, French translations

For citation: Zavgorodnii, A.M. (2022) First experiences of the French reception of Russian literature: Works of Antiochus Cantemir. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 126–136. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/7

Среди направлений исследований, касающихся литературных взаимоотношений России и Запада, несомненной и вневременной актуальностью обладает проблема восприятия реципиентом художественных произведений иноязычной культуры; проблема, которая в то же время выходит за рамки чисто литературоведческого осмысления. Рецепция творчества других народов – это часть большого межкультурного диалога, процесса межнационального взаимопознания – ментального, мировоззренческого и эстетического.

Чтобы понять суть, своеобразие какого-то явления, человек пытается обратиться к его истокам. У истоков знакомства Франции с русской художественной литературой суждено было встать Антиоху Кантемиру. В ряду работ, посвященных истории русско-французского литературного взаимодействия, отсутствуют исследования этого, самого первого, опыта освоения французами русской литературной традиции. А между тем без осмысления данного опыта картина не может быть полной. Восполнение указан-

ного пробела определило новизну настоящей работы. Исследование базируется на сочетании культурно-исторического, психологического подходов и рецептивной эстетики.

Дипломат (был послом сначала в Англии с 1732 по 1738 г., потом во Франции с 1738 по 1744 г.), поэт-сатирик, переводчик (владел шестью языками) и просто образованнейший человек, князь Кантемир к моменту появления его произведений на французском языке уже имел в западноевропейских кругах заслуженный авторитет.

Для кого-то, как, например, для Вольтера, он был достоверным источником сведений о России. Так, в письме Кантемиру от 13 марта 1739 г. Вольтер хотел получить подтверждение следующей информации: «Мне сообщают, что плотность населения России сейчас в тридцать раз меньше, чем это было семьсот или восемьсот лет назад» [1. Р. 211]. Любопытный запрос, свидетельствующий о степени осведомленности даже самой передовой мысли Франции той эпохи о делах российских. На самом деле разница составляла примерно два с половиной раза. Для кого-то Кантемир стал проводником французской мысли в русское культурное пространство (он переводит на русский язык «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля, «Персидские письма» Монтескье).

В круг его знакомых входят математик, физик, естествоиспытатель Мопертюи; основоположник французской «слёзной комедии» Нивелль де ла Шоссе; автор театральной реформы Луиджи Риккони; маркиза Монконсей, введшая его в парижский свет и считавшая его «возвышенным в области литературы» [2. С. 76]; хозяйка известного в XVIII в. литературного салона Анна-Шарлотта д'Эгийон, по инициативе которой впервые были изданы его произведения на французском языке [3. Р. 85].

Несомненно, становлению репутации Кантемира способствовали его переводы основоположника французского классицизма Буало, чьи сатиры он считал «всей Франции чудом» [4. С. 389], а также изданная благодаря его заботам «Оттоманская история» его отца, Дмитрия Кантемира, сначала в английском (1734), а затем во французском переводе (1743). Эта книга еще долгое время привлекала внимание исследователей Османской империи, о чем свидетельствует множество отсылок к ней во франкоязычных источниках XVIII–XIX вв.

Для описания отношения французской культурной, научной и политической общественности того времени к Кантемиру подошли бы слова Монтескье: «России непросто будет найти другого посла, обладающего достоинствами князя Кантемира» [5. Р. 25]. Авторитет русского дипломата и писателя не мог не сказаться на первых оценках его творчества во Франции. Влияли на характер восприятия его творений и личностные качества Кантемира. Октавиан Гуаско, переводчик его сатир – первых произведений русской художественной литературы, вышедших на французском языке, отмечал скромность, неприязнительность писателя: «Я долго просил разрешения <...> господина князя Кантемира перевести их (сатиры. – А.З.). Он всегда отвечал отказом, говоря мне, что причина, которая заставила его

сочинить их, может сделать существование этих сатир оправданным в России. Но он не считал возможным представить их на обозрение Критики, на Языке, на котором написаны шедевры в этом жанре» [6. Р. 8].

Тем не менее, как отмечал Гуаско, их дружба перевесила скромность писателя, и разрешение было получено. Не последнюю роль в этом «благоприятном» – как минимум для русско-французской коммуникации – исходе сыграли и крайние обстоятельства: Кантемир уже был тяжело болен (1744 г.). Именно в этот период Гуаско при содействии Кантемира перевел сатиры на итальянский язык. Перевод не был опубликован, но был использован Гуаско при подготовке французского перевода уже после смерти писателя. Идейным вдохновителем появления франкоязычного издания сатир стала герцогиня д'Эгийон [3. Р. 85], близкий друг Кантемира, которой однажды он посвятил мадригал на французском языке¹ – факт, свидетельствующий о том, что отзвуки литературного таланта посланника русского двора долетали до французской публики еще до выхода сатир. Как отметил видный исследователь русского поэта Ф.Я. Прийма, «поэтическое творчество Кантемира на французском языке было и длительным, и многообразным» [7. С. 12]. Нам же достоверно известно еще лишь об одном его произведении на французском языке, а именно эпиграмме «Vers sur la Critique» («Стихи о критике») [9. Р. 13].

Первое издание французского перевода восьми сатир Кантемира увидело свет в 1749 г. в Голландии². Сопровождалось оно пространной вступительной частью, приблизительно на 150 страницах. Из них читатель мог узнать, почему была выбрана именно прозаическая форма перевода (язык перевода для переводчика был неродным); почему при переводе русских пословиц не искались французские эквиваленты (чтобы сохранить самобытность оригинала); почему сатиры были снабжены примечаниями (чтобы дать представление франкоязычному читателю об особенностях русских нравов). Но о введенных примечаниях правильно было бы сказать, что они являлись адаптацией комментариев, которые содержал оригинал. Так, то, что представлялось Гуаско известным или несущественным для французского читателя, убиралось, например пояснения к именам собственным (*Ахилл, Вергилий, Евклид*) или названиям наук (*алгебра, медицина*). И наоборот, примечаний удалялись новые для большинства французов реалии – *квас, часослов*. Но такая адаптация таила определенную угрозу полноценному и беспристрастному восприятию сочинений автора. Белинский писал: «Сатиры Кантемира – подражание и большею частью то перевод, то переделка сатир Горация, Буало и частью Ювенала; но тем не менее они – в высшей степени оригинальные произведения: так умел Кантемир применить их к быту и потребностям русского общества!» Так вот

---

¹ Это произведение на французском языке было не единственным у А.Д. Кантемира (см.: [8. Р. 241]).

² На самом издании 1749 г. фигурирует Лондон. Подробнее об определении места издания сатир см.: [10].

об этом подражании через «то перевод, то переделку», с цитированием оригиналов *открыто* сказано в примечаниях у самого Кантемира. Например, к стихам 33 и 34 сатиры IV:

И стихи, что чтецам смех на губы сажают,
Часто слез издателю причина бывают [4. С. 110]

писатель дает следующее примечание:

Ст. 33. *И стихи, что чтецам смех на губы сажают*
Et le mot pour avoir réjoui le lecteur
A couté bien souvent des larmes à l'auteur
(Боало, ст. 7, сат. 7).

<И слово, чтобы позабавить читателя, очень часто стоило автору слез> » [4. С. 115].

В переводе у Гуаско мы этот комментарий не находим. Переводчик указывает на изъятие стихотворных цитат, объясняя такой шаг тем, что «те, кто увлекается чтением хороших авторов, их (цитаты. – А.З.) уже знает» [6. Р. 13–14]. Но с точки зрения формирования мнения французов о русской литературе такой шаг переводчика мог быть чреват негативными последствиями. Уже самый первый читательский опыт подобного рода мог укрепить французов в очень популярной и устойчивой мысли ближайших полутора веков: русские – это азиаты, не способные создать ничего оригинального. Фактор честности Кантемира, уважительности к литературам, помогавшим ему обрести свой индивидуальный стиль, исчезал в переводе. Поистине «примечания эти – не внешнее приложение к тексту, а органический элемент последнего» [11. С. 433].

Значительное место во вступительной части переводчика отведено жизнеописанию Кантемира, и оно долгое время служило единственным источником биографических сведений о писателе. Стоит отметить, что в России эти уникальные данные Гуаско о Кантемире стали доступны вместе с первой публикацией сатир в России в 1762 г., спустя 13 лет после издания французского перевода. Помимо изложения жизненных фактов переводчик постарался подготовить французского читателя и к восприятию самих сатир. Так, Гуаско проводит параллели между тем, что уже известно французам, и тем, с чем им еще предстоит столкнуться. Например, он говорит, что Кантемир, высмеивая пороки своей страны, прибегает к использованию поговорок точно так же, как во Франции это делал Буало [6. Р. 55–56]. Подобный психологически оправданный приём (обращение к хорошо известному) будет еще неоднократно применяться в будущем при знакомстве Франции с произведениями русской литературы. При этом несомненно, что в данном конкретном примере присутствует и мысль о заимствовании этого приема Кантемиром. Предоставляя читателям возможность самим оценить сатиры, Гуаско тем не менее указывает на основную цель, которую преследовал автор, – разрушить предрассудки холодной, флегматичной и молчаливой нации [6. Р. 69], что можно было сделать

лишь показав нелепость и смехотворность черт, ей присущих, тем самым постараться обратить ее к хорошему вкусу, прямоте, честности, порядочности. Очевидно, ввиду того, что перевод был выполнен в прозе, переводчику понадобилось также сообщить, что сатиры были написаны александрийским [б. Р. 71] (двенадцатисложным) стихом – широко применяемой для сатир формой стихосложения во Франции. На самом деле сатиры Кантемира были написаны тринадцатисложным силлабическим стихом. Гуаско, отмечая новаторство Кантемира в его опытах стихосложения – например, что он первым в России применил нерифмованный стих [б. Р. 73] – представлял русского поэта французскому читателю в качестве «главного Основателя их (россиян. – А.З.) Парнаса» [б. Р. 74].

Между вступительной частью и сатирами переводчик разместил несколько текстов, так или иначе имеющих отношение к сатирам или к их автору. Среди них и французский перевод «Словоприношения к императрице Елизавете Первой» («Épître à Élisabeth, Impératrice de toutes les Russies») – произведение Кантемира, которое будет еще неоднократно появляться во французской периодике.

Второе издание сатир вышло в Париже [10. С. 141] в 1750 г. Если судить по доступным источникам, именно оно дало начало представлению и обсуждению сатир Кантемира во французской прессе. В апреле 1750 г. в авторитетном литературном журнале «Mémoires de Trévoux» выходит первый отзыв на это издание [12]. Автор, имя которого неизвестно¹, взвешен в своих оценках; вопрос заимствований Кантемиром из других литератур не поднимается. Говоря о самом создателе сатир, он отмечает, что ум Кантемира отличался в большей степени основательностью, чем остротой, что его способность суждения превосходила способность воображения, что в нем присутствовала доля холодности, свойственная народам Севера, но что этот недостаток компенсировался огромным объемом превосходных познаний [12. Р. 929].

О сатирах автор статьи сообщает, что «при их написании Кантемир имел целью развитие словесности, благородных чувств, рассудительности среди москвитов. Высмеивая ситуации, сопровождающиеся невежеством, грубостью, суеверием, приземленностью помыслов, отсутствием манер, он хотел внушить качества противоположные. Это придает его сатирам звончание, соответствующее потребностям России, но которое совершенно не подходит для нас. Некоторые остроты, которые должны были бы вызвать интерес в Москве и Петербурге, не произвели бы никакого эффекта в Париже; по некоторым образам, демонстрирующим уловки того или иного русского вельможи с целью карьерного продвижения, нельзя было бы судить об интригах, порождаемых честолюбием наших вельмож» [12. Р. 931]. При этом, констатируя различия между двумя культурами, в

---

¹ Некоторые исследователи считают, что автором этой статьи мог быть Монтескье. См.: [10. С. 151; 13. С. 95].

том числе и связанные с климатическими условиями, рецензент замечает, что «сущность нравов остается всегда одной и той же» [12. Р. 931]. В этом, добавляет он, убеждают сатиры Кантемира.

В мае 1750 г. «L'Abeille du Parnasse» со ссылкой на второе издание публикует шестую сатиру Кантемира, сопроводив ее текст некоторыми деталями из жизни и творчества писателя [14. Р. 145–152].

Более значимый отклик на появление французского перевода сатир мы находим в номере «Le Journal des Sçavans», вышедшем в мае 1751 г. Неизвестный автор представляет французское издание сатир как «памятник, который дружба посвящает памяти князя Кантемира» [15. Р. 283]. Авторитет, личные качества писателя продолжают «жить» и после его смерти. Об этом свидетельствует и взятый автором статьи пример из жизнеописания Кантемира, предваряющего сатиры:

Октавиан Гуаско, встретив Кантемира, идущего из театра во времена, когда какие-то министры, которых он там увидел, только что заключили военный договор, услышал от русского князя, что он не постигает, как можно спокойно пойти на спектакль, только что подписав смертный приговор сотням тысяч людей [15. Р. 283–284].

Необходимо отметить, что неизвестный автор обильно цитирует Гуаско, иногда, правда, выдавая его слова за свои. Так, здесь мы снова читаем о Кантемире как об «основателе их (россиян. – А.З.) Парнаса» [15. Р. 284]. Представляя сатиры как произведения, в которых «все дышит любовью к добродетели и родине» [15. Р. 285], автор дает краткий обзор всех восьми сатир. Во многом опираясь на информацию из вступительной части Гуаско, он снабжает переработанные формулировки цитатами из сатир. Литературоведческих оценок мы здесь не находим, но то, что данная статья содействовала формированию у французской публики представления о первых произведениях светской литературы в России, несомненно.

В 1752 г. фраза о Кантемире как «основателе Парнаса России» закрепляется в первом же издании знаменитого словаря Жака Лакомба «Dictionnaire portatif des beaux-arts» [16. Р. 127]. Очевидным источником приводимых здесь сведений о жизни и творчестве поэта опять становится Октавиан Гуаско.

С середины 1750-х гг. Франция начинает знакомиться и с другими русскими авторами. Примечательно здесь первое восприятие Сумарокова французской критикой. В 1755 г. в «Journal étranger» выходит отзыв на его трагедию «Синав и Трувор». В нем помимо хвалебных слов мы встречаем и оценки, недвусмысленно намекающие на заимствования, например: «Какой бы гений, какой бы талант ни проявлялся в его сочинении, смог бы он изобразить любовь и ревность с той же силой и правдивостью, если бы он никогда не читал ни Расина, ни Шекспира» [17. Р. 153]. Такой подход, отмечает современная французская исследовательница Кароль Шапен, с одной стороны соответствовал стратегии культурной дипломатии по

отношению к России, с другой – удовлетворял ожиданиям французского читателя. Образ России, по мнению К. Шапен, эволюционировал во французской периодике, в том числе благодаря развитию русской драматургии [18. Р. 91]. Но, показывая эту эволюцию, французская пресса не просто представляла новую культурную реальность, а предлагала рассматривать ее как кальку с французского театра; литературная критика не скрывала желания продолжать представлять Францию как авангард европейской культуры, как модель, которой необходимо подражать, как инновационную лабораторию, как законодателя мод [18. Р. 91]. Тем не менее, полагаем, что случай Антиоха Кантемира выпадал из этой парадигмы. Личность Кантемира, его авторитет на Западе – всё это повлияло на восприятие его сочинений на начальном этапе их рецепции во Франции.

В 1761 г. имя Кантемира появляется в необычном сборнике «*Babioles littéraires et critiques en prose et en vers.*», в одном из разделов которого размещались эпитафии к литературным произведениям. Сатирам Кантемира было посвящено следующее:

Pour venger noblement l'honneur de la Satire (Чтобы постоять за честь Сатиры),

Apollon engagea Cantemir à l'écrire (Аполлон нанял Кантемира, чтобы написать ее) [19. Р. 38].

Получалось, что «стихотворцев бог» Аполлон теперь уже не только одно из действующих лиц сатир, но и их заказчик...

Во французских источниках конца XVIII в. обстоятельных отзывов на сочинения Кантемира мы уже не находим. Публикуются лишь его произведения: как минимум трижды «*Madrigal à madame la Duchesse d'Aiguillon*»¹ в сборнике «*Élite de poésies fugitives*» (1764, 1769 и 1772) [20. Р. 69; 21. Р. 104; 22. Р. 104]; столько же раз французский перевод «Словоприношения к императрице Елизавете Первой»² в сборнике «*Élite de poésies fugitives*» (1764, 1769 и 1772) [20. Р. 309–311; 21. Р. 323–325; 22. Р. 313–315] и однажды в «*Encyclopédie poétique*» (1778) [23. Р. 323–325]; по крайней мере, по одному разу «*Vers sur la Critique*» в «*Élite de poésies fugitives*» (в 1764) [9. Р. 13] и в «*Encyclopédie poétique*» (1778) [24. Р. 405]³. Время берет своё: эпоха Кантемира отдалялась, литература развивалась, появлялись новые интересные русские авторы. Именно в их окружении и произойдет следующая содержательная встреча Кантемира с французским читателем. В 1823 г. выйдет первая антология русской поэзии «*Anthologie russe suivie de poésies originales*» Эмиля Дюпре де Сен-Мора, в которой

---

¹ «Мадригал герцогине д'Эгийон».

² «Épître à Elisabeth, Impératrice de toutes les Russies».

³ В этом издании данная эпитаграмма вышла под названием «CRITIQUE HASARDÉE (on devient dans ses propres succès victime d'une)» [«ОПАСНАЯ КРИТИКА» (мы становимся жертвой ее из-за своих собственных успехов)].

автор представил и поэтический перевод двух отрывков из пятой и шестой сатир [25. P. 102–110].

Несмотря на немногочисленность дошедших до нас первых фактов и свидетельств восприятия творчества Антиоха Кантемира во Франции, тем не менее можно констатировать положительную оценку французской публикой сочинений, вышедших из-под его пера, по сравнению, например, с первой реакцией французов на трагедию «Синав и Трувор» Сумарокова или, спустя столетие, на «Мертвые души» Гоголя [26]. Объяснялась она, полагаем, с одной стороны, опасением – часто возникающим при первом знакомстве с чем-либо – не оценить что-то действительно выдающееся (в данном случае речь идёт о первом знакомстве Франции с неизвестной им светской литературой), с другой стороны, личностью самого Кантемира. Время литературоведческих анализов еще не пришло, оценки носили общий характер, Кантемир утверждался во Франции как «основатель Парнаса России».

Список источников

1. *Voltaire. Œuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition. T. 35-3. Paris : Garnier frères, 1880. 586 p.*
2. *Майков Л.Н.* Материалы для биографии А.Д. Кантемира. СПб., 1903. 344 с.
3. *Lettres familières du Président de Montesquieu à divers amis d'Italie. 1767. 285 p.*
4. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. 549 с.
5. *Œuvres complètes de Montesquieu. Nouvelle édition. T. 8. Basel : Chez J. Decker, imprimeur-libraire, 1799. 256 p.*
6. *Satyres de Monsieur Le Prince Cantemir. Avec l'Histoire de Sa Vie. 1749. 432 p.*
7. *Прийма Ф.Я.* Антиох Кантемир и его французские литературные связи // Труды отдела новой русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 1. Л., 1957. 268 с.
8. *Lozinskij G.* Le prince Antioche Cantemir, poète français // *Revue des études slaves.* 1925. Т. 5. Fascicule 3-4. P. 238–243.
9. *Élite de poésies fugitives. 1764. Т. 3. 313 p.*
10. *Копанев Н.А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 140–154.
11. *Гершкович З.И.* От составителя // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 431–437.
12. *Article L.* Nouvelles littéraires. Angleterre. De Londres // *Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts.* 1750. P. 928–932.
13. *Васильева Е.Н.* Братья Гуаско и франкоязычные издания «Сатир» Кантемира // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 93–98.
14. *L'Abeille du Parnasse. 1750. 444 p.*
15. *Satyres du Prince Cantemir, Traduites du Russe en Français, avec l'Histoire de la Vie // Le Journal des Sçavans. Mai. 1751. P. 283–289.*
16. *Cantemir // Dictionnaire portatif des beaux-arts. 1752. P. 127–128.*
17. *Spectacles Sinave et Trouvove. Tragédie Russe en Vers par M. Soumarokoff // Journal étranger. 1755. Avril. P. 114–156.*
18. *Chapin C.* Le journal est un théâtre ouvert (les débats sur le théâtre dans la presse russe des lumières et leur contexte européen) : thèse de doctorat en littérature française et comparée. 2015. 397 p.
19. *Babioles littéraires et critiques en prose et en vers. Т. 2. 1761. 166 p.*
20. *Élite de poésies fugitives. Т. 2. 1764. 312 p.*

21. *Élite de poésies fugitives*. T. 2. 1769. 327 p.
22. *Le Nouveau trésor du Parnasse ou Élite de poésies fugitives*. T. 2. 1772. 321 p.
23. *Encyclopédie poétique*. T. 5. 1778. 480 p.
24. *Encyclopédie poétique*. T. 4. 1778. 480 p.
25. Dupre de Saint-Maure, P.J.E. *Anthologie russe, suivie de poésies originales*. Paris : Chez C.J. Trouve, 1823. XXX + 264 p.
26. Завгородний А.М. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840–1880-х гг. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 8, ч. 1. С. 26–34.

References

1. Voltaire. (1880) *Œuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition*. T. 35–3. Paris: Garnier frères.
2. Maykov, L.N. (1903) *Materialy dlya biografii A.D. Kantemira* [Materials for the biography of A.D. Cantemir]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Montesquieu. (1767) *Lettres familières du Président de Montesquieu à divers amis d'Italie*. S.l.: [s.n.].
4. Cantemir, A.D. (1956) *Sobranie stikhotvorenyy* [Collection of poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
5. Montesquieu. (1799) *Œuvres complètes de Montesquieu*. Nouvelle édition. T. 8. Basel: Chez J. Decker, imprimeur-libraire.
6. Cantemir, A. (1749) *Satyres de Monsieur Le Prince Cantemir. Avec l'Histoire de Sa Vie*. S.l.: [s.n.].
7. Priyma, F.Ya. (1957) Antioch Kantemir i ego frantsuzskie literaturnye svyazi [Antiochus Cantemir and His French Literary Connections]. In: *Trudy otдела novoy russkoy literatury (Pushkinskiy dom)* [Proceedings of the Department of New Russian Literature (Pushkin House)]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS.
8. Lozinskiy, G. (1925) Le prince Antioche Cantemir, poète français. *Revue des études slaves*. T. 5. Fascicule 3-4. pp. 238–243.
9. Anon. (1764) *Élite de poésies fugitives*. T. 3. A Londres.
10. Kopanev, N.A. (1986) O pervykh izdaniyakh satir A. Kantemira [On the first editions of satires by A. Cantemir]. In: XVIII vek [18th century]. Vol. 15. Leningrad: Nauka. pp. 140–154.
11. Gershkovich, Z.I. (1956) Ot sostavitelya [From the compiler]. In: Cantemir, A.D. *Sobranie stikhotvorenyy* [Collection of poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 431–437.
12. Anon. (1750) Article L. Nouvelles littéraires. Angleterre. De Londres. In: *Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts*. Trevoux: Impr. de S.A.S. pp. 928–932.
13. Vasil'eva, E.N. (2017) Di Guasco brothers and French editions of “Satyres” by Antioch Cantemir. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 93–98. (In Russian).
14. Anon. (1750) *L'Abeille du Parnasse*. Bourdeaux.
15. Cantemir, A. (1751) Satyres du Prince Cantemir, Traduites du Russe en Français, avec l'Histoire de la Vie. *Le Journal des Sçavans*. Mai. pp. 283–289.
16. Anon. (1752) Cantemir. In: *Dictionnaire portatif des beaux-arts*. Paris: La veuve Estienne & fils [etc.]. pp. 127–128.
17. *Journal étranger*. (1755) Spectacles Sinave et Trouvore. Tragédie Russe en Vers par M. Soumarokoff. Avril. pp. 114–156.
18. Chapin, C. (2015) *Le journal est un théâtre ouvert (les débats sur le théâtre dans la presse russe des lumières et leur contexte européen)*: thèse de doctorat en littérature française et comparée. Université Sorbonne Paris Cité.
19. Anon. (1761) *Babioles littéraires et critiques en prose et en vers*. T. II. S.l.: [s.n.].
20. Anon. (1764) *Élite de poésies fugitives*. T. 1. A Londres.

21. Anon. (1769) *Élite de poësies fugitives*. T. 2. A Londres.
22. Anon. (1772) *Le Nouveau trésor du Parnasse ou Élite de poësies fugitives*. T. 2. Chez Bassompierre, Imprimeur-Libraire.
23. Anon. (1778) *Encyclopédie poétique*. T. 5. Marot, Malherbe, & c.
24. Anon. (1778) *Encyclopédie poétique*. T. 4. Marot, Malherbe, & c.
25. Dupre de Saint-Maure, P.J.E. (1823) *Anthologie russe, suivie de poesies originales*. Paris: Chez C.J. Trouve.
26. Zavgorodniy, A.M. (2016) N.V. Gogol's poem "Dead Souls" in the French critical reception of the 1840s–1880s. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (1). pp. 26–34. (In Russian).

Информация об авторе:

Завгородний А.М. – канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии им. В.Г. Гака Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: almzav@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.M. Zavgorodnii, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: almzav@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.07.2021;
одобрена после рецензирования 24.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 02.07.2021;
approved after reviewing 24.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*